
А. Н. ВЛАСОВ

БЫЛИННЫЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ О СУХАНЕ

Поводом для очередного обращения к истории изучения былинного сюжета о Сухане послужила подготовка к изданию серии «Былины» Свода русского фольклора, осуществляемая сотрудниками Отдела фольклора ИРЛИ РАН. Среди других трудов фольклористов в центре внимания оказалась монография В. И. Малышева, в которой более 60 лет назад были подведены основные итоги изучения былины о Сухане, ее связей с письменными формами культуры.

В первую очередь следует отметить, что в исследовании В. И. Малышева сделан практически исчерпывающий обзор и характеристика источников.¹ К устной традиции, по сведениям исследователя, принадлежало 23 (25) варианта записи былинного сюжета о Сухане и два варианта саратовской песни, в которой герой носит имя Сухан, но по сюжету больше напоминающей начало былины «Два королевича из Крякова».² Учтенными оказались и былины, в которых упоминается имя Сухана как богатыря князя Владимира: «Сказание о киевских богатырях»

---

¹ В. И. Малышев указывал, что вне поля его зрения оказался еще один вариант записи, сделанный красноярским фольклористом Л. В. Гуревичем, но после смерти собирателя местонахождение этой записи еще в конце 50-х гг. установить не удалось. *Малышев В. И.* Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956. С. 194 (далее: *Малышев*).

² «1. Сухан-богатырь. Записана в 1895 г. М. Е. Соколовым от крестьян И. А. Бабушкина, М. К. Токарева и В. Л. Мальцева, из села Кутьина Петровского уезда Саратовской губернии. Опубликовано в книге: *Соколов М. Е.* Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896. № 1. С. 1–2. <...> Печатается в Приложении III <...>. 2. Сухманушка. Записана в 1923 г. М. П. Советовым от И. Ф. Токарева в том же селе Кутьине»: *Малышев*. С. 195–196.

(в четырех из пяти известных списков),³ «Первая поездка Ильи Муромца в Киев»,⁴ «Ставер Гоудинович» (имя попало в эту былину из былины «Первая поездка Ильи в Киев»),⁵ «Дюк Степанович»,⁶ в сказке об Илье Муромце, запись первой половины XIX в.⁷ *Сухан-богатырь сын Домантьевич* упоминается и в былине «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» из сборника Кирши Данилова (№ 49, ст. 147). За последние более чем 60 лет после публикации книги В. И. Малышева (1958) стали известны еще две записи былины «Про Сухмана»: первая — Н. П. Колпаковой в 1956 г. на Печоре от Т. С. Кузьмина,⁸ опубликованная в «Былинах Печоры и Зимнего берега» (1961)⁹ и переизданная во втором томе Свода русского фольклора (2001),¹⁰ и вторая запись (собиратель не указан) от А. Ананьиной 1957 г. на Карельском берегу.¹¹

Отметим, что среди известных в настоящее время 25 (27) записей былинного сюжета, по мнению Ю. А. Новикова, 8 (10) восходят к популярным изданиям версии текста «шальского лодочника»:¹² «Русским народ-

³ Барсов Е. В. Богатырское слово в списке начала XVII в. // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. СПб., 1881. Т. 28, № 3. С. 1–27; Русские былины старой и новой записи под редакцией акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894. Отд. первый, № 3. С. 47–53; Позднеев А. В. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 190–196; Пушкирев Л. Н. Новый список «Сказания о киевских богатырях» // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 365–370 (ср. по изд.: Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960).

⁴ Сборник Кирши Данилова. Издание имп. Публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в библиотеку кн. М. Р. Долгоруковым / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901. С. 153.

⁵ Русские былины старой и новой записи под редакцией акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. С. 201. № 57.

⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Часть II: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862. С. 567 (далее: *Рыбников* 1862).

⁷ Этнография. 1927. № 2. С. 313.

⁸ РО ИРЛИ, Р. V, кол. 160, п. 3, № 8, л. 40–42. Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1956, д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

⁹ Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1961. С. 225–227. № 80 «Про Сухмана».

¹⁰ Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. Былины Печоры. Т. 1, 2. СПб., 2001. Т. 2. С. 121–123, 468. № 195.

¹¹ Архив Карельского филиала РАН. Кол. 36, № 203.

¹² Новиков Ю. А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. 2-е изд., доп. СПб., 2001. С. 164–165.

ным былинам», изданным товариществом И. Д. Сытина (1910);¹³ книге «Былины» из серии «Русская классическая библиотека, издаваемая под редакцией А. Н. Чудинова» в издании И. Глазунова (1904);¹⁴ популярному изданию А. Оксёнова «Народная поэзия» (1898);¹⁵ собственно, изданию текста «шальского лодочника», записанного П. Н. Рыбниковым,¹⁶ а также к неустановленным книжным источникам. Это записи, сделанные от А. Крюковой (Зимний берег, зап. 1899),¹⁷ М. Крюковой (Зимний берег, зап. 1937, 1944),¹⁸ П. Пахоловой (Зимний берег, зап. 1938),¹⁹ Н. Кигачева (Пудога, зап. 1938),²⁰ А. Старикова (Карельский берег, зап. 1941),²¹ Е. Ладиной

¹³ Русские народные былины: Сухман-богатырь; Данила Денисьевич и Василиса Никулишна По сборникам Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга / Составлено В. и Л. Р-н. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910.

¹⁴ Русская классическая библиотека, издаваемая под редакцией А. Н. Чудинова: Пособие при изучении русской литературы. Вып. 13: Былины. 2-е испр. и доп. изд. И. Глазунова. СПб., 1904.

¹⁵ Народная поэзия: Былины. Песни. Духовные стихи / С введением и объяснительным словарем. Составил А. Оксёнов. 2-е изд. СПб., 1898 (далее: *Оксёнов*).

¹⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4: Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверия, суеверия, заговоры и т. п. СПб., 1867 (далее: *Рыбников* 1867). № 148.

¹⁷ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901 (далее: *Марков*), № 11 (упоминается: *Малышев*. Прил. 6, № 4).

¹⁸ Малышев упоминает три варианта, записанные от этой исполнительницы: Э. Г. Бородиной-Морозовой: 1) в 1937 г. — *Малышев*. С. 12. Оpubл.: Былины М. С. Крюковой / Зап., коммент. Э. Бородина, Р. Липец; ввводн. статья Р. Липец; ред., предисл. Ю. Соколова. М., 1939. [Т. 1]. М., 1941. Т. 2. С. 382–389. № 38; 2) в 1944 г. — *Малышев*. С. 18. Оpubл.: *Марфа Крюкова*. Беломорские былины. Архангельск, 1953. С. 79–88. В примечании к этой записи Малышев отмечает, что М. С. Крюкова использовала еще сюжет о Сухане в одной из своих придуманных героических былин — о Ване Залешанине, где она применила этот сюжет к богатырю Ивану Залешанину, но без трагической развязки. В этой былине после проверки рассказа богатыря князь Владимир его награждает, а тот едет на новые подвиги (Былины М. С. Крюковой. М., 1941. Т. 2. С. 44–56. № 64; 3) М. С. Крюковой принадлежит также прозаический текст былины о Сухмане, записанный Э. Г. Бородиной-Морозовой в 1948 г., в котором от традиционного сюжета почти ничего не осталось. Кроме трех записей Э. Г. Бородиной-Морозовой имеется также запись А. М. Астаховой 1937 г. (*Малышев*. Прил. 6, № 19. Оpubл.: *Малышев*. Прил. 3). О зависимости варианта, записанного ею в 1937 г., от книги Оксёнова (*Оксёнов*. С. 11) писала А. М. Астахова (см.: Былины Печоры и Зимнего берега. С. 558–559).

¹⁹ Былины Печоры и Зимнего берега. С. 101; *Малышев*. С. 20. Прил. 3.

²⁰ *Малышев*. Прил. 6, № 21; Прил. 3, № 6.

²¹ *Малышев*. С. 22. Прил. 3, № 7.

(Карельский берег, зап. 1948),²² Т. Кузьмина (Печора, зап. 1956).²³ А. Ана-
 ньиной (Карельский берег, зап. 1957).²⁴

Таким образом, 8 (10) записей из 25 (27) известных восходят к печатным изданиям. 10 записей представляют пудожские по бытованию записи, что составляет 18 (20) вариантов, восходящих (или близких), в конечном счете, к варианту «шальского лодочника». К той же редакции принадлежат единственные: кулойская запись от Ефима Кирилловича Мелехова²⁵ и мезенская запись от Анны Васильевны Потрухиной (35 лет),²⁶ записанные А. Д. Григорьевым в 1901 г. Итого 20 (22). Из трех оставшихся известных Малышеву текстов один — «Тюхмень Адехментьевич» изложен прозой в виде сказки, записан в 1901 г. П. Шереметьевым от А. И. Арапова, из с. Петропавловского Кирилловского уезда Новгородской губернии.²⁷

И наконец, две сибирские записи, одна из которых — «Суханко сын Туманович», записанная в 1904 г. А. А. Макаренко от Евграфа Попова, из д. Кежемская Заимка Кежемской вол. Енисейской губ., близка к версии «шальского лодочника» и другим пудожским вариантам.²⁸ Другую версию сюжета о Сухане представляет только одна алтайская запись былины «Суханьша Замантиев», зафиксированная в 1860 г. Д. П. Соколовым от старика-нищего на Сузунском серебро-медеплавильном заводе (Барнаульский горный округ) для сибирского этнографа С. И. Гуляева.²⁹ Напомним, что отличие ее от других записей заключается в отсутствии

²² Малышев. Прил. 6, № 23; Прил. 3, № 8.

²³ Былины Печоры и Зимнего берега. № 80; Свод русского фольклора: Былины Печоры. Т. 2. № 195. «На ее бытование сильное воздействие оказали многократные перепечатки варианта одного из пудожских сказителей (*Рыбников* 1867. № 148)»: Свод русского фольклора: Былины Печоры. Т. 2. С. 468.

²⁴ Архив Карельского филиала РАН. Кол. 36, № 203. У Малышева не зафиксирована.

²⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Со списком собственных имен в 1, 2 и 3 т. Прага, 1939. Т. 2: Кулой (далее: *Григорьев* II). № 62; Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Былины Кулоя. СПб.; М., 2011. Т. 6. № 94; Малышев. Прил. 5.

²⁶ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. СПб., 1910. Т. 3: Мезень (далее: *Григорьев* III). № 28; Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Былины Мезени. СПб.; М., 2004. Т. 4. № 171; Малышев. Прил. 6.

²⁷ Шереметьев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 71–75; Малышев. Прил. 6, № 7.

²⁸ Макаренко А. А. Сибирские песенные старины // Живая старина. СПб., 1907. Вып. II, отд. II. С. 25–26; Малышев. Прил. 6, № 8.

²⁹ Малышев. Прил. 6, № 2; Прил. 3. С. 153–154.

в сюжете основного конфликта между князем Владимиром и богатырем, а также некоторыми деталями.³⁰

В настоящее время помимо литературного памятника Повесть о Сухане была обнаружена авторская обработка былинного сюжета «Сухман-богатырь» каргопольским краеведом Иваном Ильичом Рудометовым (впоследствии переехавшим в Москву и ставшим кандидатом технических наук).³¹ Он в порыве «очистить ниву народного творчества» решил «пересмотреть» тексты «псевдосказителей», «восстановить образы старины от всех последующих наслоений» подготовил к изданию в 1966 г. подборку «Былин», содержащую условно 11 сюжетов русского былевого эпоса. Последний в этой подборке — сюжет о Сухмане.

Характеризуя в целом текст Рудометова, следует заключить, что он скорее похож на авторскую стилизацию богатырского эпоса, опирающуюся на книжные источники. Так, в основе его лежали известные варианты сюжета «шальского лодочника», но измененные в результате авторской правки. Причем изменения эти были выполнены в духе известных былинных новообразований М. С. Крюковой (хотя Рудометов и относил ее к числу «псевдосказителей») по 2 томам «Былин Марфы Крюковой», опубликованным в 1939, 1941 гг. Зная личность Рудометова и его достаточно широкий кругозор, а также примерное время составления текста — до 1966 г., можно предположить, что в его поле зрения кроме популярных изданий былины могли попасть и другие неизвестные нам источники сюжета (возможно, книга В. И. Малышева), о которых он, правда, не упоминает.³²

³⁰ См. об этом подробнее: *Малышев*. С. 198–210.

³¹ *Рудометов И. И. Сухман-богатырь* // Каргопольский краеведческий музей. Рукописный фонд № 471. С. 52–53 (машинопись).

³² В отличие от основной версии сюжета «шальского лодочника», начинающейся сценой княжеского пира, в рудометовской версии совсем другое начало. В зачале былины Сухман представлен как служилый человек (пограничник): «За славным городом стольным Киевом / За полями, степями широкими / Стояла застава богатырская. / На заставе был богатырь Сухман, / Восемь лет охранял он там родную Русь, / Не пускал к ней богатыря чужеземного, / Не пускал ни конного, ни пешего». Сухман за верную службу на границе был призван в Киев Владимиром: «Стал его Владимир князь расспрашивать, / Стал за службу верную похваливать, / Говорил он Сухману таковы слова: / “Отдыхай у нас, богатырь Сухман, / На охоту молодецкую поезживай, / Серых уток по заводям постреливай”». Завязка сюжета происходит после предложения князя, чтобы Сухман потешил князя: «Да еще сослужи нам службу потешную: / Привези нам белую лебедушку, / Белу лебедь привези ты живьем в руках, / Не подбитую лебедку, не кровавлену». В Повести нет мотивировки выезда Сухмана на охоту: там просто говорится: «Да охоч был до потехи кречатные». В зачине алтайской версии Суханьша Замантиев также находится на охоте: «Выезжал Суханьша Замантьев сын / За зайцами да за лесицами, / За теми волками рысучими». Таким образом, текст Рудометова в своей зачинной части не совпадает с зачинами известных нам вариантов: там подчеркивается, что Сухман был отмечен

Таким образом, к известным В. И. Малышеву текстам можно прибавить только три, причем два из них восходят к книжной версии «шалльского лодочника» (Кузьмина и Ананьиной) и один представляет былинное новообразование.

По мнению Ю. А. Новикова, комментировавшего этот сюжет в пудожских томах Свода русского фольклора: «Пудога — основной район бытования этого сравнительно редкого сюжета. В других регионах бывшей Олонецкой губернии он не обнаружен собирателями <...>. За пределами Онего-Каргопольского края записаны единичные тексты <...>. Однако в прошлом старина о Сухмане, видимо, была распространена гораздо шире. Об этом косвенно свидетельствует популярная повесть об этом герое, а также география записей устных по происхождению вариантов былины — от Карельского берега в Беломорье до Алтая <...>. Все пудожские записи “Сухмана” принадлежат к одной редакции сюжета, но некоторые различия в композиции, словесном оформлении отдельных эпизодов, именах собственных позволяют выделить несколько ее модификаций. К первой относятся старины «шалльского лодочника», И. Фофанова,³³ а также примыкающие к ним вторая по времени запись от Ф. Конашкова³⁴

князем за верную и примерную службу по охране границ Киева и был призван ко двору. Это соотносится в целом с характеристикой образа Сухана, данного в Повести, как служилого человека и как богатыря, отстаивающего рубежи отечества. Далее: Сухман отправляется исполнять просьбу князя, а в версии «шалльского лодочника» он делает это сам в результате похвалы на пиру — добыть для князя «не подбитую лебёдку, не кровавлену» (т. е. живую). Кроме того, вместо Непры реки в тексте фигурирует Днепр, как в алтайской версии. В основной своей части сюжет рудометовского текста в общих чертах совпадает с основными моментами версии «шалльского лодочника». Концовка также несколько отличается от традиционной былинной и от Повести, так как сведена к патриотической патетике богатыря: «Тут снимал Сухман повязки кровавые, / Открывал свои раны глубокие... / Кровь из ран на землю закапала, / Богатырь ей приговаривал: / “Потеки-ка ты, моя кровь горячая, / Потеки-ка ты рекой по родной земле, / Поведай ты всему народу русскому, / Что принял я смерть великую / За родную Русь, мою матушку!”», что было несвойственно былинам и Повести, в которой отстаивалась только личная честь служилого человека. Подобный патетический пассаж мы встречаем у М. Крюковой в сцене, когда Сохматий Сохматиёвич получил смертельные раны и накладывал на них «малиновые листочки» (строка 317: «Ты уймись, уймись, моя же кровь горячая, / Не ходи-ко-се боле, не пусться у мня, / Не в балосьви эти раночки получил я, / Получил раны: за всю страну свою стоял, / За страну же свою стоял Россиюшку»).

³³ Рыбников 1867. № 148; Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. № 23; Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Былины Пудог. СПб.; М., 2015. Т. 18, кн. 1. № 476, 488.

³⁴ Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948. № 8; Свод русского фольклора: Былины Пудог. Т. 18, кн. 1. № 483.

и книжные по происхождению варианты И. Мишина и Н. Кигачева.³⁵ Текст П. Антонова³⁶ не только в деталях повествования, но и по структуре заметно отличается от старины «шальского лодочника», однако наиболее существенное расхождение (рассказ о стычке Ильи Муромца с Идолищем) не имеет отношения к традиционному сюжету и, скорее всего, является следствием импровизации Антонова. К этому изводу отчасти тяготеют былины Г. Якушова и М. Дорохиной.³⁷ Третий тип обработки сюжета представлен единственным вариантом Ф. Конашкова.³⁸ Во всех трех пудожских модификациях «Сухмана» доминируют общие элементы, прослеживается процесс взаимной диффузии оригинальных деталей и подробностей. Объясняется это тем, что былина бытовала в небольшом ареале — в устье Шалы (низовья реки Водлы) и на Купецком озере. Между ними всего несколько десятков километров, многие сказители были знакомы друг с другом и наверняка не раз слышали эту старину в исполнении своих соседей».³⁹

Что касается кулойской записи, то она также восходит к версии «шальского лодочника», причем довольно случайна в репертуаре кулойских сказителей, так как записана от молодого исполнителя Е. К. Мелехова.⁴⁰

---

³⁵ Былины Пудожского края. № 68; *Мальшев*. Прил. 6; Свод русского фольклора: Былины Пудоги. Т. 18, кн. 1. № 485, 486.

³⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин / Предисл. П. Гильтебрандта. СПб., 1873. № 63; Свод русского фольклора: Былины Пудоги. Т. 18, кн. 1. № 477.

³⁷ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948 (далее: *Соколов—Чичеров*). № 15, 69; Свод русского фольклора: Былины Пудоги. Т. 18, кн. 1. № 480, 478.

³⁸ *Соколов—Чичеров*. № 84; Свод русского фольклора: Былины Пудоги. Т. 18, кн. 1. № 479.

³⁹ Свод русского фольклора: Былины Пудоги. Т. 18, кн. 1. С. 1224–1225.

⁴⁰ *Григорьев* П. № 62. «Сухмантин Етихматович». Зап. А. Д. Григорьевым 30 июня 1901 г.: д. Сояна Долгощельской вол. Мезенского у. — от Мелехова Ефима Кирилловича, 30 лет. Эту былинку Мелехов «перенял, по его словам, ... в путях» (Там же. С. 316); Свод русского фольклора: Былины Кулоя. Т. 6. № 94. В комментарии к публикации Ю. А. Новиков пишет: «Единственная кулойская запись этой редкой в Архангельско-Беломорском крае былины. Та же редакция сюжета, что и вариант с соседней Мезени (Свод русского фольклора: Былины Мезени. Т. 4. № 171). В данном тексте еще больше сходжений с классическим вариантом «шальского лодочника» (*Рыбников* 1867. № 148 — Пудога), что подтверждает композиционно-стилистическую стабильность былины. Оригинальных деталей в старине Мелехова немного. Киевские богатыри не верят рассказу героя об уничтожении татарского войска и насмеваются над ним: “Уж ты ой еси, Сухмантин, сколь едрёной стал!” Необычно описано самоубийство героя — он выхватывает

То же самое можно сказать и о мезенском варианте старины, записанной Григорьевым в 1901 г. от Анны Васильевны Потруховой 35 лет.⁴¹ Мезенский вариант отличается от других своим финалом — Сухмантей Одихмантьевич совершает самоубийство, бросившись на копье («Он втыкнул копьё да в мать сыру землю, / — Он порол у sibя да груди белыя»).

То, что старина и имя былинного героя были распространены гораздо шире, можно предположить не только по упоминаниям Сухана/Сухмана в текстах других былин,⁴² но и в схожих сюжетных коллизиях, где герой действует под другим именем. К их числу в первую очередь следует отнести сюжет былины о Дунае — архаический мотив протекания реки из крови богатыря; и множество книжных аллюзий из древнерусских повестей и сказаний. Кроме указанных В. И. Малышевым воинских повестей (Сказания о Мамаевом побоище) исследователи указывают на сказание о Никите Демьяновиче в Ипатьевской летописи, Повесть о разорении Рязани Батыем

“стрелочки калёная из того же правого боку”, хотя раньше говорилось, что он еще на поле боя вытащил стрелы из ран и положил их в “карман себе»» (Свод русского фольклора: Былины Кулоя. Т. 6. С. 674). Т. А. Новичкова в своем комментарии, помещенном в этом же издании, считает: «Сюжет не типичный для Кулоя. Если учесть мнение исследователей о позднем сложении “Сухмана” в Московскую пору (В. Ф. Миллер, С. К. Шамбинаго, Б. М. Соколов) и сопоставить факт нераспространенности этой былины с древним, домосковским характером кулойской эпической традиции в целом, можно предположить, что настоящий текст, несмотря на его полноту и хорошую сохранность, достаточно случаен в репертуаре молодого певца-кулоянина» (Там же).

⁴¹ Григорьев III. № 28; Свод русского фольклора: Былины Мезени. Т. 4. № 171. Сюжетная схема, ключевые формулы мезенского варианта близки к пудожским записям и кулойскому тексту, что свидетельствует о бытовании на Севере единой редакции этой былины. Некоторые детали варианта Потруховой не имеют аналогий в других записях. Сухмантей говорит, что ему нечем похвастать, кроме «сильной силушки»; князь Владимир поручает ему привезти «птицю-гарлицю» (ср. нижегородский вариант «Данилы Ловчанина» — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1861. Вып. 3. С. 32); необычен для данного сюжета способ самоубийства богатыря, обусловленный тем, что в тексте ничего не говорится о его ранении татарами. Другие подробности встречаются сравнительно редко (Сухмантей едет на охоту не по собственной воле, а по приказу князя). Певца использовала типичные для мезенской традиции формулы в описании пира и хвастовства его участников (ст. 1–13), «похаживания» князя Владимира «по грынюшки» (ст. 14–17), избияния богатырем вражеского войска (ст. 45–49).

⁴² «Сказание о киевских богатырях» (в четырех из пяти известных списков), «Первая поездка Ильи Муромца в Киев», «Ставер Гоудинович» (имя попало в эту былинку из былины «Первая поездка Ильи в Киев»), «Дюк Степанович», в сказке об Илье Муромце, запись первой половины XIX в. (Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. С. 20–100).

и Житие Меркурия Смоленского, в которых мотивы оскорбления героя еще не имели окончательного оформления.⁴³

Среди устных эпических текстов в зону притяжения, по моему мнению, попадает былина «Илья Муромец и голи кабацкие». Исследователи русского богатырского эпоса уже давно обратили внимание на этот необычный сюжет и сделали несколько совершенно справедливых замечаний исторического и социального характера, связав мотив посещения Ильей Муромцем кабака с мотивом ссоры (или бунта) богатыря с князем Владимиром.⁴⁴

⁴³ Необходимо заметить, что к моменту создания названных памятников древнерусской литературы в этом эпическом сказании о непризнанном подвиге еще не устоялись ни имя героя (Евпатий Коловрат, Меркурий Смоленский, Никита Демьянович), ни место его действия (Рязань, Смоленск, Переяславль), а также отсутствовали четкая хронологическая привязанность события (1237, 1237, 1148 гг.) и единое объяснение причин, по которым герой не мог сразу принять почести за свой подвиг (честь воздает Батый, идущая за водой девка бранит героя, князь опаздывает к ложу умирающего победителя). Все эти подробности приобрели окончательный вид только в XVII в., когда данный сюжет нашел свое развитие в Повести о Сухане. В ней мы встречаем те же именные, топографические и хронологические привязки действия, что и в былине о Сухмане (герой — Сухан/Сухман; место действия — окрестности Киева, время действия — эпоха князя Владимира, враги — татары). В сказании о Сухане на первый план выдвинут социальный конфликт — важной оказывается не только победа богатыря, но и его самоубийство как протест против недоверия ему, проявленного со стороны князя. Само имя этого героя находит свое отражение в «Сказании о киевских богатырях» из рукописного сборника XVII в. Таким образом, сказания, отразившие сюжетную схему былины о Сухмане, впервые зафиксированы в древнерусской книжности в начале XIII в., но еще были лишены мотива оскорбления героя, возвращавшегося после подвига. В первой трети XVI в. эти сказания получили более широкое распространение, оказались дополнены мотивом оскорбления героя, но еще не имели окончательного оформления. Следовательно, читая сказание о Никите Демьяновиче в Ипатьевской летописи, Повесть о разорении Рязани Батыем и Житие Меркурия Смоленского, мы присутствуем при моменте рождения былины XVI–XVII вв. о татаро-монгольском нашествии, эпического сказания, близкого былине о Сухмане.

⁴⁴ В. Я. Пропп предлагал отличать два этих сюжета о бунте и «о пире с голями кабацкими», рассматривал первый как песенный сюжет на тему антифеодальности крестьянского протеста и борьбы. Однако Ю. И. Юдин и И. Я. Фроянов, признавая справедливость замечаний Проппа о наличии двух сюжетов, находят, что «сюжеты, по-видимому, связаны и по смыслу, и по общности мотивов, и генетически». Связь эту они усматривают прежде всего в исторической подоплеке — в смене социальных отношений между князем и его подданными, которые вылились в социальный конфликт. В сюжете это отразилось, по мнению исследователей, в поступке Ильи противопоставить пир с голями княжескому. «Центральный конфликт сюжета об Илье Муромце и голях кабацких относится, таким образом, к той эпохе, когда стало намечаться расхождение между традиционным общенародным характером родоплеменной власти, опирающейся, в частности, на позднеродовой институт

Важно подчеркнуть, что некоторые авторы (В. Я. Пропп, И. Я. Фроянов, Ю. И. Юдин), во-первых, признают наличие двух сюжетов в былинной традиции (хотя и связывают их между собой); во-вторых, идеологически разводят (даже противопоставляют) понятия «княжеского пира» и «пира кабацких голей»; в-третьих, не привязывают сюжет пира с кабацкими голями только к образу Ильи Муромца, напротив, подчеркивают: «Возможно, за спиной Ильи Муромца стоит иной персонаж, который слился с его обликом и был забыт...», «оказывается безымянным».⁴⁵

Уточним, обида Сухана в Повести была вызвана недоверием князя и насмешками богатырей. Восстановление чести героя происходит не потому, что князь признал справедливость слов Сухана и хотел его наградить. Сухан лишает себя жизни и в результате своего поступка восстанавливает поруганную честь «на миру» (из слов матери: *«Не о том я плачу, что вижу тебя смертного, плачу я о твоём доротице во истинной храбрости, что еси дорос человечества, умер на службе государеве»*).

Здесь же впервые от лица матери признается, что репутация Сухана раньше была явно испорчена его пристрастием к хмельному питию (*«Хотя тебы, Суханушко, звали бражником / И охоч был пропиватися...»*). Эта тема о пьянстве героя тем не менее в устных сюжетах о Сухмане не находит развития, кроме текстов, записанных от Марфы Крюковой, где содержится несколько намеков на его порок: когда герой собирается на охоту и спрашивает позволения у Владимира пойти к морю Черному, к камню «Латырю» (Алатырю), *«Ко тому ли ко кружалу государеву»*, т. е. к кабаку, и уже оттуда ехать на охоту. В описании боя с татарами подмечено: *«Тут не лютоё зельё разгорелось / Богатырско-то ведь сердце ростревожилось...»*, надо понимать так, что Сохматий вступает в бой с вражеской силой не от пьяного куража, а вполне осознанно.

Однако в целом мотив пьянства героя, конфликта с князем и восстановлением утраченной чести героя становится вполне самостоятельным, например, в былине «Бутман» на Печоре, где сюжет Сухмана (кроме Кузьмина в его книжной версии) вообще не встречается. Или старина «Василий Игнатъевич и Батыга», зафиксированная в 11 вариантах на Мезени;⁴⁶ а также ее вариант «Василий Игнатъевич пьяница», записанный на Зим-

---

престижных княжеских пиров, и новой ролью князя, превращающегося со своим окружением в представителей публичной власти, отрывающейся от основной массы населения Древней Руси, иными словами, перед нами — едва ли обозначившиеся отчуждения князя от народной массы, что становится причиной противостояния демократических слоев населения с князем и ближайшим его окружением. Следовательно, в сюжете отражена социальная борьба в древних обществах, отождествлять которую с классовой нет никаких оснований». См.: Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. С. 110–111.

⁴⁵ Там же. С. 111.

⁴⁶ Свод русского фольклора: Былины Мезени. Т. 4. № 175–185.

нем берегу Белого моря от Г. Л. Крюкова,⁴⁷ и ее поздний переделанный вариант «Васька да горька пьяница», записанный от П. С. Пахоловой, внучатой племянницы Гаврилы Крюкова.⁴⁸ В сюжете нет прямого конфликта героя с князем, но в нем основным мотивом является отказ героя от вознаграждения за спасение Киева или замена его просьбой, равной бесчестию самой княжеской (царской) особы: «Тольке дай ты мне волю пить безденежно, / Ише в кажном кабаки бескопеешно» (Г. Л. Крюков).

Таким образом, сюжет былины и Повести о Сухане/Сухмане действительно попадает в круг поздних былинных образований и откровенных авторских переработок героических былин типа крюковского текста о Ване Залешанине⁴⁹ и «Сухмана» И. И. Рудометова. Поэтому вопрос о происхождении былины остается открытым до сих пор, несмотря на откровенную попытку связать сюжет Сухана с событиями времен конца XII в., эпохи «Слова о полку Игореве», по Б. А. Рыбакову,⁵⁰ или связать его со временем позднего средневековья XVI–XVII вв., с житийной повестью о Петре и Февронии, литературными переделками былинных сюжетов XVII–XVIII вв. Так, своим содержанием былина о Сухмане напоминает «Гисторию» о Михаиле (Иване) Даниловиче: как тот, так и другой подвергаются несправедливой каре — сажанию в погреба глубокие; будучи освобождены, они не желают пользоваться милостью Владимира: один из них навсегда уходит в монастырь, а другой прибегает к самоубийству.⁵¹ Кроме того, указанные В. И. Малышевым два сюжета исторической песни о Сухане дают нам косвенные доказательства относить происхождение сюжета к более позднему времени — времени появления литературной Повести.⁵² Близость сюжета былины и Повести к историческим песням и молодецкой лирике, которые можно датировать не ранее XVI в., можно обнаружить на примере фрагмента текста, записанного от А. М. Крюковой, который близок к известному песенному топосу — гибель молодца на чужбине и наказ своему коню:

Выбегала у ёго всё кровь горячая.
Наказал ише своёму коню доброму:
«Уж ты конь, ты всё конь, моя да лошадь добрая!
Ты не стой, не плачь у тела богатырского,

⁴⁷ Марков. № 77.

⁴⁸ Былины Печоры и Зимнего берега. № 100.

⁴⁹ Былины М. С. Крюковой. Т. 2. № 64. С. 44–56.

⁵⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 139–150.

⁵¹ Астахова А. М., Митрофанова В. В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII вв. // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. С. 18–19, 28; 280–282.

⁵² Малышев. С. 86–187.

Ты поди-ко-се, беги да куды хошь поди,
 Во луга ступай-поди да во зелёныя,
 Ты питайсе-ко всё травой шелкóвою,
 Ходи пей-ко-се ключóву-ту съвежé воду
 Шьто ис той ли ты из матушки Сухмáнь-реки».⁵³

Локализация бытования сюжета Онежско-Каргопольским ареалом, как показали исследования при подготовке Свода русского фольклора, позволяют более точно атрибутировать место и время возникновения самой Повести и высказать предположение о ее влиянии на устную традицию.

Что касается этимологии имени Сухана/Сухмана, то она также остается в области гипотез. Следуя за предположением Рыбакова, которого придерживается часть фольклористов, имя Сухан/Сухман восходит к тюркскому *су-хан* — князь реки.⁵⁴ С нашей точки зрения, корректнее связывать имя героя с восточнославянской основой *сух* — *сухой, худой, тощий, чахлый*.⁵⁵ Такая этимология косвенно подтверждается и исполнителями былины через ироническое отношение богатырей к Сухману после сообщения о его победе: «*Уж ты ой еси, Сухмантин, сколь едрёной стал!*»; а также явно русскими формами имен в сибирских и других непудожских вариантах

⁵³ Малышев. Прил. 6, № 19.

⁵⁴ «Сухмантий Одихмантьевич. См.: Рыбников 1862. № 148. Записано от «шалского лодочника» на Пудожье. В былине изображаются воинские подвиги, но основной конфликт приобретает социально-нравственный аспект. Князь Владимир не верит богатырю, подвергает его заточению. Одерживая нравственную победу, богатырь погибает. Имя Сухмантий восходит к тюркскому *су-хан* — князь реки, что может быть связано с финалом былины: от крови богатыря начинает течь Сухман-река. Отчество Одихмантьевич тоже тюркское. В былине нашли отражение явления XII в., когда русские князья привлекали для обороны южных рубежей от половцев воинов из тюркских племен (торков, берендеев, черных клобуков). Судьба Сухмантия напоминает судьбу торческого князя Кунтудвея: он, будучи на службе у русских князей (последняя четверть XII в.), одерживает ряд побед над половцами (стремящимися перерезать Днепровский путь), но по наговору подвергается опале, отпущенный, воевал некоторое время на стороне половцев» (Селиванов Ф. М. Былины. М.; 1988. № 40. С. 540–541 (Сер.: Б-ка русского фольклора. Т. 1)).

⁵⁵ От нецерковного мужского личного имени или прозвища *Сухан*, образованного от нарицательного *сухой*. Такое прозвище мог получить худой, чахлый, худошавый человек. Примеры раннего использования имени или прозвища *Сухан*: Сухан, дворецкий московского митрополита (1480 г.); Афонька Сухан, охочий человек (1634 г.). Примеры раннего использования отчества от имени или прозвища *Сухан*: Еремка Суханов, усольский крестьянин (1648 г.); Арсений Суханов, строитель Троице-Сергиева монастыря (1653 г.). Источники: Полякова Е. Н. К истокам русских фамилий. Пермь, 1997; Тупилов Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004; Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989; интернет-ресурс www.nomer.org.

былины (*Суханьша, Сохмантий*). Использование словообразовательного суффикса *-ман* в имени героя (в основном в пудожских вариантах) подтверждает позднее происхождение имени Сухман (ср.: Бутман, Жульман) относительно имени в Повести.

Позволю себе осторожно заметить, что благодаря фундаментальному исследованию В. И. Малышевым Повести о Сухане о близости сюжета к устным источникам необходимо в первую очередь указать не на историческую, а литературную основу этого сюжета и образа Сухана/Сухмана.⁵⁶ Перед нами камуфляж истории, сделанный подобно Слову о полку Игореве и Повести о Петре и Февронии авторами, прекрасно знакомыми с поэтикой устной народной поэзии.

Литература:

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Со списком собственных имен в 1, 2 и 3 т. Прага, 1939. Т. 2: Кулой.

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. СПб., 1910. Т. 3: Мезень.

Астахова А. М., Митрофанова В. В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII вв. // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960. С. 18–19, 28; 280–282.

Барсов Е. В. Богатырское слово в списке начала XVII в. // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. СПб., 1881. Т. 28, № 3. С. 1–27.

Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.

Былины М. С. Крюковой / Зап., коммент. Э. Бородина, Р. Липец; ввводн. статья Р. Липец; ред., предисл. Ю. Соколова. М., 1939. [Т. 1]; М., 1941. Т. 2.

Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1961.

Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. № 23.

Макаренко А. А. Сибирские песенные старины // Живая старина. СПб., 1907. Вып. II, отд. II. С. 25–26.

Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.

Марфа Крюкова. Беломорские былины. Архангельск, 1953. С. 79–88.

---

⁵⁶ Немецкий ученый Волльнер находил в былине черты сентиментальности, свойственной новой литературе, и на этом основании относил ее возникновение к более позднему времени. Поэтические достоинства ее он ставил высоко, но в то же время признавал былинку наименее «эпической». — *Малышев*. С. 206. Волльнер угадал литературную основу былины, но он не знал еще о существовании Повести XVII в., открытой Малышевым.

Народная поэзия: Былины. Песни. Духовные стихи / С введением и объяснительным словарем. Составил А. Оксёнов. 2-е изд. СПб., 1898.

Новиков Ю. А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. 2-е изд., доп. СПб., 2001. С. 164–165.

Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин / Предисл. П. Гильтебрандта. СПб., 1873.

Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1860—1862. Вып. 1—4.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Часть II: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862. С. 567.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4: Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверия, суеверия, заговоры и т. п. СПб., 1867.

Позднеев А. В. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 190–196.

Полякова Е. Н. К истокам русских фамилий. Пермь, 1997.

Пушкарев Л. Н. Новый список «Сказания о киевских богатырях» // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 365–370.

Рудометов И. И. Сухман-богатырь // Каргопольский краеведческий музей. Рукописный фонд № 471. С. 52–53 (машинопись).

Русская классическая библиотека, издаваемая под редакцией А. Н. Чудинова: Пособие при изучении русской литературы. Вып. 13: Былины. 2-е испр. и доп. изд. И. Глазунова. СПб., 1904.

Русские былины старой и новой записи под редакцией акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894. С. 201. № 57.

Русские народные былины: Сухман-богатырь; Данила Денисьевич и Василиса Никулишна По сборникам Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга / Составлено В. и Л. Р-н. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Сборник Кириши Данилова. Издание имп. Публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в библиотеку кн. М. Р. Долгоруковым / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901. С. 153.

Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Былины Кулоя. СПб.; М., 2011. Т. 6.

Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Былины Мезени. СПб.; М., 2004. Т. 4.

Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 1, 2.

Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Былины Пудоги. СПб.; М., 2015. Т. 18, кн. 1.

Селиванов Ф. М. Былины. М., 1988 (Сер.: Б-ка русского фольклора. Т. 1).

Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948. № 8.

Соколов М. Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896.

Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989.

Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. С. 110–111.

Шереметьев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902.

Этнография. 1927. № 2. С. 313.

Аннотация: А. Н. Власов, продолжая исследования В. И. Малышева, рассматривает образ богатыря Сухмана (Сухана) в контексте книжной традиции, обогащая источниковедческую базу вновь открытыми письменными текстами. Автор статьи впервые рассматривает некоторые особенности данного былинного сюжета (например, пристрастие главного героя к вину), что позволяет ему провести ряд параллелей с другими эпическими сюжетами и героями, как, например, «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» (Илья Муромец и голи кабацкие).

Ключевые слова: Былинная традиция и книжность, эпический герой богатырь Сухман.

A. N. Vlasov (St. Petersburg). Epic context of The Tale of Sukhan.

In the article A. N. Vlasov, continuing V. I. Malyshev's research, considers the image of the hero Sukhman (Sukhan) in the context of the book tradition, enriching the source database with newly discovered written texts. The author first discusses some features of this epic story (for example, the protagonist's passion for wine), which allows him to carry out a number of parallels with other epic stories and characters, such as «Ilya Muromets quarrels with Prince Vladimir» (Ilya Muromets and the Boon Companions).

Keywords: Epic tradition and book tradition, epic hero Sukhman.

References:

Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 gg. S napevami, zapisannymi posredstvom fonografa. So spiskom sobstvennyh imen v 1, 2 i 3 t. Praga, 1939. T. 2: Kuloj.

Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 gg. S napevami, zapisannymi posredstvom fonografa. S kartoj rasprostraneniya starin na Krajnem Severe Evropejskoj Rossii. SPb., 1910. T. 3: Mezen'.

Astahova A. M., Mitrofanova V. V. Byliny i ih pereskazy v rukopisjah i izdaniyah XVII–XVIII vv. // Byliny v zapisjah i pereskazah XVII–XVIII vekov. M.; L., 1960. S. 18–19, 28; 280–282.

Barsov E. V. Bogatyrskoe slovo v spiske nachala XVII v. // Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti imp. Akademii Nauk. SPb., 1881. T. 28, N 3. S. 1–27.

Belomorskie byliny, zapisannye A. Markovym. M., 1901.

Byliny M. S. Krjukovoj / Zap., komment. Je. Borodina, R. Lipec; vvodn. stat'ja R. Lipec; red., predisl. Ju. Sokolova. M., 1939. [T. 1]; M., 1941. T. 2.

Byliny Pechory i Zimnego berega (novye zapisi) / Izd. podgot. A. M. Astahova, V. V. Mitrofanova, M. O. Skripil'. M.; L., 1961.

Byliny Pudozhskogo kraja / Sost. G. N. Parilova, A. D. Sojmonov. Petrozavodsk, 1941. N 23.

Byliny v zapisjah i pereskazah XVII–XVIII vekov / Izd. podgot. A. M. Astahova, V. V. Mitrofanova, M. O. Skripil'. M.; L., 1960.

Etnografija. 1927. N 2. S. 313.

Frojanov I. Ja., Judin Ju. I. Bylinnaja istorija. SPb., 1997. S. 110–111.

Makarenko A. A. Sibirskie pesennye stariny // Zhivaja starina. SPb., 1907. Vyp. II, otd. II. S. 25–26.

Malyshev V. I. Povest' o Suhane. Iz istorii russoj povesti XVII veka. M.; L., 1956.

Marfa Krjukova. Belomorskie byliny. Arhangel'sk, 1953. S. 79–88.

Narodnaja poezija: Byliny. Pesni. Duhovnye stihy / S vvedeniem i objasnitel'nym slovarem. Sostavil A. Oksjonov. 2-e izd. SPb., 1898.

Novikov Ju. A. Bylina i kniga: Analiticheskij ukazatel' zavisimyh ot knigi i fal'sificirovannyh bylinnyh tekstov. 2-e izd., dop. SPb., 2001. S. 164–165.

Onezhskie byliny / Podbor bylin i nauch. red. tekstov Ju. M. Sokolova; Podgot. tekstov k pečati, primech. i slovar' V. I. Chicherova. M., 1948.

Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: S dvumja portretami onezh<skih> rapsodov i napevami bylin / Predisl. P. Gil'tebrandta. SPb., 1873.

Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim / Izd. O-vom ljubitelej rossijskoj slovesnosti. M., 1861. Vyp. 3. S. 32.

Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym. Chast' II: Narodnye byliny, stariny i pobyl'shhiny. M., 1862. S. 567.

Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym. Ch. 4: Narodnye byliny, stariny, pobyl'shhiny, pesni, skazki, poverija, sueverija, zagovory i t. p. SPb., 1867.

Poljakova E. N. K istokam russskih familij. Perm', 1997.

Pozdneev A. V. Skazanie o hozhdenii kievsskih bogatyrej v Car'grad // Starinnaja russskaja povest'. M.; L., 1941. S. 190–196.

Pushkarev L. N. Novyj spisok «Skazanija o kievsskih bogatyryjah» // TODRL. M.; L., 1953. T. 9. S. 365–370.

Rudometov I. I. Suhman-bogatyry // Kargopol'skij kraevedchesskij muzej. Rukopisnyj fond N 471. S. 52–53 (mashinopis').

Russskaja klassichesskaja biblioteka, izdavaemaja pod redakciej A. N. Chudinova: Posobie pri izuchenii russoj literatury. Vyp. 13: Byliny. 2-e ispr. i dop. izd. I. Glazunova. SPb., 1904.

Russskie byliny staroj i novoj zapisi pod redakciej akad. N. S. Tihonravova i prof. V. F. Millera. M., 1894. S. 201. № 57.

Russskie narodnye byliny: Suhman-bogatyry'; Danila Denis'evich i Vasilisa Nikulishna Po sbornikam Kirshi Danilova, Kireevsskogo, Rybnikova i Gil'ferdinga / Sostavleno V. i L. R-n. M.: tip. t-va I. D. Sytina, 1910.

Rybakov B. A. Drevnjaja Rus'. Skazanija. Byliny. Letopisi. M., 1963.

Sbornik Kirshi Danilova. Izdanie imp. Publichnoj biblioteki po rukopisi, pozhertvovannoj v biblioteku kn. M. R. Dolgorukovym / Pod red. P. N. Sheffera. SPb., 1901. S. 153.

Selivanov F. M. Byliny. M., 1988 (Ser.: B-ka russskogo fol'klora. T. 1).

Sheremet'ev P. Zimnjaja poezdka v Belozerskij kraj. M., 1902.

Skazitel' F. A. Konashkov / Podgot. teksta, vstup. st. i komment. A. M. Linevsskogo; Pod red. A. M. Astahovoj. Petrozavodsk, 1948. N 8.

Sokolov M. E. Byliny, istoricheskie, voennye, razbojnich'i i vorovskie pesni, zapisanye v Saratovskoj gubernii. Petrovsk, 1896.

Svod russkogo fol'klora. Byliny: V 25 t. Byliny Kuloja. SPb.; M., 2011. T. 6.

Svod russkogo fol'klora. Byliny: V 25 t. Byliny Mezeni. SPb.; M., 2004. T. 4.

Svod russkogo fol'klora. Byliny: V 25 t. Byliny Pechory. SPb.; M., 2001. T. 1, 2.

Svod russkogo fol'klora. Byliny: V 25 t. Byliny Pudogi. SPb.; M., 2013–2016.

T. 16–18.

Tupikov N. M. Slovar' drevnerusskih lichnyh sobstvennyh imen. M., 2004.

Unbegaun B. O. Russkie familii. M., 1989.